

СЕМИОТИКА ЛИНГВИСТИКА ПОЭТИКА

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. РЕФОРМАТСКОГО

ББК 81.2Р
С 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект № 01-06-87040

Редакционная коллегия:

Н. В. Васильева (*ответственный секретарь*), М. Л. Каленчук,
Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткина, Т. М. Николаева.

Ответственный редактор:

В. А. Виноградов

С 30 Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения
А. А. Реформатского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. —
768 с. — (Studia philologia). — *Вклейка после с. 400.*

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0049-0

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен памяти Александра
Александровича Реформатского (16.10.1900—3.5.1978) в связи с двумя про-
шедшими датами — 100-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти
этого выдающегося отечественного ученого. В книгу включены работы как по
общетеоретическим вопросам языкознания, так и по конкретным разделам этой
дисциплины (фонетика и фонология, морфология, синтаксис, семантика).

ББК 81.2Р

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: ko-
shelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail:
slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской куль-
туры», имеет только датская книоторговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0049-0

9 785955 100494

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

Предисловие (<i>В. А. Виноградов</i>)	9
Хроника реформатских чтений (<i>Н. Йот</i>)	12

I. Общие проблемы языка

<i>Ю. А. Бельчиков</i> . О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века	27
<i>В. К. Журавлев</i> . Русский язык, русский национальный характер и облик русского ученого	36
<i>Л. Г. Зубкова</i> . Эволюция общей теории языка в свете его отношения к миру и человеку	47
<i>В. Б. Касевич</i> . Язык экологии и экология языка	57
<i>В. И. Постовалова</i> . «Лингвистика должна быть верна своему предмету и его онтологии»: философско-лингвистические размышления А. А. Реформатского о природе языка и науке о языке и их истоки	69

II. Культура речи. Фонетика. Фонология. Просодика

<i>Л. А. Вербицкая</i> . Культура речи и языковая культура	91
<i>Е. А. Земская</i> . Русский язык в чужой одежде (e-mail как средство транскрипции и инструмент лингвистического анализа)	100
<i>Н. Йот</i> . Печальная повесть о j-ике	105
<i>В. П. Калыгин</i> . Некоторые аспекты палатализации в кельтских и славянских языках	109
<i>Р. Ф. Касаткина</i> . Эти странные вибранты (некоторые проявления апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах)	117
<i>Ю. А. Клейнер</i> . Позиция и контекст	123
<i>С. В. Князев</i> . Об иерархии фонологических правил в русском языке (несколько новых соображений по поводу язв А. А. Реформатского)	133
<i>Н. А. Любимова</i> . Фонетический аспект общения в условиях становления двуязычия	151
<i>Т. М. Николаева</i> . «Лексическое ударение» и «пики интенсивности» в русском именном словосочетании	160

<i>Г. Ц. Пюрбеев.</i> Действие интонационного фактора в предложении монгольских языков	177
<i>М. В. Софронов.</i> Нулевая фонема в тангутском языке	181
<i>Н. А. Федеянина.</i> Ударение в структуре слова	201

III. Морфология. Словообразование. Синтаксис

<i>В. М. Алтатов.</i> Морфема. Субморф. Слогофонема	213
<i>А. В. Бондарко.</i> Признак коррелятивности в структуре грамматических категорий (на материале русского языка)	221
<i>А. П. Василевич.</i> Исследование словообразовательных средств описания формы	233
<i>Е. С. Кубрякова.</i> О семиотических особенностях производного слова	243
<i>Н. Н. Леонтьева.</i> Валентности, актанты, смысловая неполнота в информационно-лингвистической модели	250
<i>Igor Mel'čuk.</i> Zero Sign Revisited	269
<i>Т. Н. Молошная.</i> Взаимодействие категории определенности / неопределенности и категорий падежа и числа существительного в современном русском литературном языке	299
<i>Е. К. Молчанова.</i> Лексическое и грамматическое	308
<i>Н. В. Перцов.</i> О некоторых казусах в русской морфемике	321
<i>В. З. Санников.</i> Еще раз о чередованиях в синтаксисе (к проблеме альтернологии)	328
<i>И. С. Улханов.</i> Исчисление и объяснение в морфологии и словообразовании	344
<i>А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева.</i> Производное слово в психолингвистике развития	356
<i>Б. С. Шварцкопф.</i> О пунктуационном нулевом знаке	366
<i>Д. И. Эдельман.</i> Об одной словообразовательной модели в иранских языках	371

IV. Слово. Текст. Языковая картина мира

<i>Е. И. Диброва.</i> Эпистолярный конвой	383
<i>Л. Н. Иорданская.</i> Лингвистика частей тела	397
<i>Х. Ф. Исхакова.</i> Грамматические показатели в личных именах (на материале тюркских языков)	407
<i>Г. Е. Крейдлин, Е. А. Чувиллина.</i> Семантическая типология русских улыбок	412
<i>М. А. Кронгауз.</i> Фамилия в русском языке и ее употребление	429
<i>Р. И. Лихтман.</i> Заметки о терминах, или По следам идей Учителя	435
<i>М. В. Панов.</i> Позиционные чередования в лексике	448
<i>Н. К. Рябцева.</i> Ментальная сфера по данным языка. Когнитивный аспект	453

- В. Н. Телия.* Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические переупутья) 466
- В. Н. Топоров.* Русск. *чеколды́кнуть* и *дербалы́знуть* (к проблеме мотивировки обозначений одной семантической группы) 479

V. Литература. Поэтика. Народная культура

- Н. В. Васильева.* Заметки о двух собственных именах у Тургенева 493
- Л. Н. Виноградова.* Структурная типология и терминология обрядов «изгнания» 500
- В. П. Григорьев.* «Чудо-безумец» Вежа перед филологией XXI века 509
- А. К. Жолковский.* На фоне мегаформ 517
- С. В. Кодзасов, С. Е. Никитина.* Культура и фонетика: духоборские псалмы 529
- С. Е. Никитина.* Об имени собственном в русских профессиональных группах 544
- Эр. Хан-Пира.* *Живой труп* и *мертвые трупы* у Пушкина и Толстого . . . 552

VI. Вокруг Реформатского. Воспоминания. Архив

- М. Ф. Гнесин.* Размышления о статье А. А. Реформатского «Речь и музыка в пении». *Вступление и подготовка текста О. В. Никитина* 561
- Вяч. Вс. Иванов.* Зарисовки к портрету А. А. Реформатского 565
- Н. Йот.* Вспоминая Учителя... 579
- Л. Л. Касаткин.* Обсуждение 2-го издания учебника А. А. Реформатского «Введение в языкознание» 22 июня 1956 г. 593
- Е. В. Красильникова.* Глухариные тока 640
- Л. П. Крысин.* Реформатский — популяризатор науки о языке 644
- О. В. Никитин.* А. А. Реформатский как собиратель и исследователь русского фольклора 650
- В. А. Плотникова.* А. А. Реформатский (отрывок из воспоминаний) . . . 657
- А. А. Реформатский — С. И. Ожегову.* *Публикация О. В. Никитина* 674
- И. А. Реформатский.* Об отце-филологе, слове и языке размышления сына-химика, приученного относиться к слову сняв шляпу 676
- И. А. Реформатский, С. С. Ожегов.* Коллеги. Друзья. Единомышленники . . . 694
- А. В. Суперанская.* Из воспоминаний о Реформатском 699
- Р. Фрумкина.* Реформатский сегодня 723
- М. Ц. Шабат.* Александр Александрович Реформатский в моей жизни . . 730

VII. Varia

С. А. Крылов. О научных источниках творчества А. А. Реформатского.

    Фрагмент металингвистического указателя 747

Глеб Арсеньев. *** 757

Ю. А. Бельчиков

О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века

Нет никакого сомнения в том, что те деструктивные процессы, которые происходят в конце XX столетия на территории бывшего СССР и постсоветской России, охватившие буквально все сферы жизни русского общества от экономики до быта, — все эти процессы оказали и оказывают преимущественно негативное влияние на русский литературный язык и на речевую культуру.

Система литературных норм испытывает большое напряжение; в речевом общении носителей русского литературного языка (устном и письменном) набрали силу такие негативные тенденции и явления, как огрубление литературной речи, детабулизация грубопросторечной (в том числе — общественной) лексики и фразеологии, наплыв жаргонизмов, немотивированное употребление варваризмов (преимущественно англоязычного происхождения).

Вместе с тем в русском литературном языке нельзя игнорировать и позитивные тенденции, сосуществующие с перечисленными негативными.

Несомненно как положительный квалифицируется процесс «возвращения» в активную зону русской речевой коммуникации многих слов и фразеологических единиц, актуальных в русском литературном языке конца XIX — начала XX в. Имеется в виду в первую очередь религиозная лексика и фразеология, выступающая в её исконной семантике и узусе. Затем возвращаются слова и словосочетания «гуманитарного» содержания и назначения, с семантикой «доброделания». Это такие слова, как *благотворительный, благотворительность, милосердный, милосердие, меценат, меценатство, филантроп, филантропия* и под.

Продолжают развиваться процессы, свойственные языковой эволюции вообще и присущие также развитию русского литературного языка в XX в. в советское время (это специальная тема, сравнительно подробно освещенная в обширной библиографии вопроса).

Происходит также отказ от слов и формул политического языка советского времени или их критическое — преимущественно контрарно-ироническое — переосмысление. Такого рода слова и выражения в своём большинстве оказываются в пассивном запасе словаря.

Возвращаясь к негативным явлениям в современной речевой коммуникации, принципиально важно подчеркнуть наметившуюся в конце 90-х гг. тенденцию к известному упорядочению словоупотребления, к стабилизации в сфере русской литературной речи.

Эти стабилизационные явления и процессы происходят главным образом благодаря действию механизма литературных норм, прежде всего норм стилистических (по терминологии Л. В. Щербы), а также в силу известной адаптации в литературных текстах речевых инноваций к литературным нормам и встречных процессов «смягчения» литературных норм под влиянием мощных процессов демократизации русского литературного языка, наблюдаемых в конце XX столетия.

Какие же факты, речевые явления свидетельствуют о стабилизационных процессах в современном русском литературном языке?

1. Наблюдения над современными словарями русского языка (имеются в виду «Толковый словарь русского общего жаргона: Слова, с которыми мы все встречались», составленный О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной под общим руководством Р. И. Розиной (М., 1999), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (4-е изд. М., 1997) и 1-й том «Русского семантического словаря» под общей редакцией академика Н. Ю. Шведовой (М., 1998)) убеждают в динамичности, подвижности системы литературных норм, которая чутко реагирует на традиционные для русского литературного языка послепушкинского периода процессы демократизации, особенно после того, как сформировалось так называемое литературное просторечие.

Предмет описания «Толкового словаря русского общего жаргона» — тот пласт жаргонной лексики, который в настоящее время включен в сферу активного употребления как в СМИ, так и в непринужденном речевом общении жителей (в том числе и образованных) современного большого города (см. [Земская, Розина 1994: IV]). Такой пласт лексики авторы Словаря называют «общий жаргон». В него не входят речевые единицы «жаргонов... социальных, в частности, криминальных, и профессиональных групп» (Там же). Признаком принадлежности лексико-фразеологических единиц к общему жаргону авторы считают их употребление в печатной и электронной прессе, ориентированной на широкую аудиторию.

Сам факт издания в конце 90-х гг. словаря, корпус которого составляет таким образом отобранная лексика, — важное, многозначительное свидетельство результативности происходящих в недрах литературного языка процессов освоения новых речевых явлений — «пришельцев» из народно-разговорного языка. Эти процессы обусловлены активным отношением литературных норм к таким речевым фактам (в данном случае — к наплыву жаргонной речи в русский литературный язык 90-х гг.), активным воздействием норм на жаргонные речевые элементы.

Присутствие в данном словаре слова, словоформы — уже свидетельство того, что эта речевая единица на пути к нормализации. Попадая в контексты и ситуации литературной речи, слова и фразеологические выражения ненормированной (в данном случае — жаргонной) речи приобретают новые осмысления, новые синтагматические связи, вступают в парадигматические отношения с единицами литературного языка, в конце концов «отрываются» от их «родной» социокультурной среды и дискурса соответствующего жаргона, сохраняя вместе с тем семантическое, коннотативное, экспрессивно-стилистическое своеобразие, необычность, «свежесть» номинаций и оценок породившей их среды на фоне традиционной литературной лексики и фразеологии (что, собственно, и привлекает в них носителей литературного языка).

Неопрровержимым доказательством процесса нормализации представленных в словаре единиц русского общего жаргона, их включения и включенности (!) в состав литературного просторечия (нижнего пласта разговорной литературной речи) служит тот весьма примечательный и показательный факт, что почти четвертая часть (23,1%) словарных единиц этого словаря зафиксирована в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997). Такие единицы с полным основанием можно (и следует) рассматривать как принадлежащие литературному просторечию, тем более что все они (за единичным исключением) имеют помету «прост». Литературное просторечие — еще раз напомним — сфера литературного языка, сфера компетенции литературных норм.

2. Система способов «обработки» внелитературных элементов в русском литературном языке сложилась еще во второй половине XIX в. (см. хотя бы [Чернышев 1970; Копорский 1957; Бельчиков 1974] и др. исследования).

Одним из самых продуктивных путей приобщения в данном случае жаргонного речевого элемента к литературному языку представляется включение ненормированной речевой единицы в разъясняющие контексты (в рамках литературного текста).

Среди таких контекстов выделяются, с одной стороны, так называемые оценки речи: говорящий, пишущий дает прямую, непосредственную оценку вводимого им слова, подчеркивая необычность такого слова, в данном случае — принадлежность к известному социокультурному речевому обиходу (за рамками литературного языка) или уже получившему некоторую распространенность в литературной речи, однако, не свойственное автору как носителю литературного языка. Часто такие оценки речи сопровождаются разъяснениями соответствующего слова. См., например, в статье Л. Вольперт «Памяти Вадима Эразмовича Вацура» (НЛО. № 42 (2000). С. 54): «Во всех этих городах, естественно, шла и напряженная работа (доклады, дискуссии, многочасовые заседания), но было и то, что иначе обозначается аппетитным, но несколько легковесным словечком «тусовка», общение, хоть и праздничное, но далеко не

беспольное (обмен мнениями, возникновение замыслов, знакомство и узнавание друг друга)».

С другой стороны, обычно внелитературная речевая единица включается в широкий контекст или «монтируется» с текстовым фрагментом, в котором (контексте или фрагменте) так или иначе раскрывается ее смысловое содержание, экспрессивная окраска. См. разъясняющие контексты слова *прибамбасы* с неясной, аморфной семантикой и вместе с тем с весьма выразительной экспрессивной окраской неодобительно-иронического характера: «А вот «Счастье», еще один образчик нового альтернативного кино... На кону все *основные «прибамбасы» нынешней американской цивилизации... Мужчину и женщину влечет друг к другу, а сблизиться все-таки страшно: вдруг кто в суд успеет подать? Но сексом одержимы все: и стар, и мал... И рассказывает режиссер о всей этой жизни с циничной усмешечкой. Только хохот в зале стоит все два с лишним часа...*» (Мир за нед. 1999. № 7); «К сожалению ли, к счастью ли, но смена моды в нашем искусстве не за горами. *Спрос на прибамбасы заканчивается* по мере возрастания социальной напряженности в стране. Скоро общество снова потребует: «Хлеба!» — то бишь содержания. *Очаровательная свобода забавно писать ни о чем иссякает*» (Э. Радзинский. Интервью в Комс. пр. 21.01.2000). Ср. употребление глагола *кинуть* в значении 'обмануть' и разъясняющий контекст этого слова в интервью с А. П. Юрковым:

«(Журналист) — Я правильно вас понял: *Лужков лично вам... пообещал финансирование спец. выпуска «Московская власть», но ни копейки не заплатил?*

(А. Ю.) — Именно так. *Мы на всю страну распространяли московский опыт, а нас, выражаясь современными терминами, кинули.* Откровенно, бесовестно кинули» (Мир за нед. 2000. № 1).

3. Освоению новой речевой единицы в литературном языке способствует установление соотносительных связей, парадигматических, словообразовательных, стилистических, в литературных текстах с нормированными единицами, прежде всего — синонимических отношений. См., например: *братки* — преступные (криминальные) авторитеты (Мир за нед. 1999. № 7); «Вас могут „кинуть“ (обмануть)» (АиФ. 1995. № 30). Ср. контекст, в котором устанавливается синонимическая связь между глаголом *сдать* в значении 'отказаться от члена своей группы, команды из каких-либо интересов', 'предать' (из уголовного жаргона: *сдать* — 'предать': 'предать соучастника при допросе' — [Дубягин, Бронников 1991: 158]) и устойчивым сочетанием *принести в жертву* (кого-л., что-л.): «...перед московским градоначальником замаячила реальная угроза споткнуться в ходе выборов мэра... по причине недовольства соратников Юрия Михайловича (*возьмут да сдадут*).

Со своей стороны, Кремль, как представляется, принял окончательное решение *принести в жертву* одну из своих наиболее одиозных фигур — Бориса Абрамовича Березовского» (Комс. пр. 15.10.1999).

Аналогичное явление наблюдается и в сфере иноязычных заимствований. Так, существительное *брокер* определенно включено в синонимический ряд и состоит в известных стилистических соотношениях со словами *посредник* и *маклер*; ср. соотношение слова *спонсор* с существительными *благотворитель*, *меценат* и *филантроп*.

4. Соотносительные связи новой речевой единицы, а тем самым ее место в системе литературных норм, в семантико-стилистической структуре литературного языка, устанавливаются и в силу словообразовательного родства ненормированного слова с традиционными словарными единицами литературного языка, а также в силу той или иной степени прозрачности внутренней формы данного слова, обусловленной этим родством (что осознается носителями литературного языка).

Наиболее показательной иллюстрацией результативного освоения общелитературным речевым обиходом последнего десятилетия XX века (с самого начала 90-х годов) жаргонного слова служит существительное *беспредел* (из уголовного жаргона), его быстрое и бескомпромиссное вхождение в литературные тексты самого разнообразного назначения, устных (от разговорных диалогов до речей политиков и материалов электронных СМИ) и письменных (от публицистических — газетных и журнальных — текстов, экономических и политологических исследований до художественно-беллетристических произведений). Уже в 1994 г. газета «Сегодня» охарактеризовала это слово как «уголовный, но прочно укоренившийся в нашей жизни термин» (Сег. 21.12.1994). В известном смысле *беспредел* стало одним из ключевых слов первого периода истории постсоветской России. «Так и уйдет наш век, произведя на свет главное свое фирменное слово „беспредел“», — писали «Известия» 26 июня 1997 г.

Существительное *беспредел* употребляется с обобщенным значением ‘крайняя степень беззакония, беспорядка’ (в ОШ-1997 регистрируется это значение — с пометой «разг.»). В словообразовательном плане *беспредел* соотносится с такими словами, как *предел*, *беспредельный*, *беспредельно*, *беспредельность*. Это существительное включается и в определенный синонимический ряд слов, обозначающих высшую степень проявления чего-либо, исключительность, чрезвычайность по силе выражения чего-либо: *безграничность*, *беспредельность*, *безмерность*, *бесконечность* и под. И соответственно — в силу семантической связи однокоренных слов, — с прилагательными *безграничный*, *безмерный*, *бесконечный*... При ориентации же на обобщенное значение (‘крайняя степень беззакония, беспорядка’) слова *беспредел* оно четко соотносится с таким рядом прилагательных, как *беспощадный*, *жуткий*, *зверский*, *немилосердный*, *страшный*, *чудовищный* и под. Идеографически *беспредел* как ‘полное беззаконие, произвол; развал всякого общественного порядка и власти; непристойность’ (именно так осмысливается это слово в современном его употреблении) соотнесен со словом и понятием *закон*, выступающим в русском

языковом сознании в качестве концепта национальной культуры (ср.: «„Закон есть предел“ — вот ядро концепта ‘Закон’ в русском сознании» [Степанов 1997: 427]). Благодаря этим соотносительным связям со словами литературного языка проясняется внутренняя форма существительного *беспредел* и оно сравнительно быстро приживается в устной и письменной литературной речи 90-х гг.

4. В процессе освоения нового речевого явления литературным языком действует, как правило, одновременно ряд факторов, в том числе и разъясняющий контекст и живые соотносительные связи ненормированной единицы с нормативными явлениями. Именно такой синергетический фактор приспособления, адаптации к литературным нормам единицы народно-разговорного языка проявляет свое действие в процессе освоения литературным языком нашего времени слова *беспредел*, а также существительного *разборка*.

Употребление слова *беспредел* (наряду с тем, что оно имеет живые соотносительные связи, словообразовательные и лексико-семантические, с литературной лексикой) сопровождается часто разъясняющими контекстами. См., например: «В одном случае внук убивает бабушку, в другом — мать с дочерью убивают сестру, в третьем мать с сыном убивают брата. И чем больше совершается таких убийств, тем больше я поражаюсь происходящему беспределу» (Сег. 02.04.1994); «Полный беспредел творится в коммерческих ларьках. Там запросто можно купить уже использованную спираль — и без всякой упаковки» (Моск. комс. 09.07.1993).

В процессе адаптации существительного *разборка* (взятого из уголовного жаргона) к литературному языку взаимодействуют два фактора: живые словообразовательные связи этого слова и разъясняющие контексты его приобретения. Очевидны живые словообразовательные связи рассматриваемого слова с глаголами *разбирать* / *разобрать*, *разбираться* / *разобраться* и обусловленная этим обстоятельством его семантическая соотнесенность с некоторыми непрямыми значениями указанных глаголов (*Разобраться* (в ком-л., чем-л.; разг.: с кем-л., чем-л.) ‘изучив, хорошо понять кого-что-нибудь’; *Разбирать* ‘критически обсуждать (чье-нибудь поведение, проступки) и их употребление в определенных (юридических, служебных) ситуациях. По наблюдениям Сл. ЕЗР (в статье «Разбираться»), возможно — связь с разбором дела в суде» [Сл. ЕЗР: 172], а также обсуждение, разбирательство поведения кого-либо на собрании или выяснение у начальника ошибок, просчетов в работе подчиненного или целого подразделения. Употребление глаголов в таких ситуациях отражено в СО (М., 1988). Слово же *разборка* до 90-х гг. выступает как производное от глаголов *разобрать* и *разобраться* в их конкретных значениях.

С начала 90-х годов существительное *разборка* в значении ‘выяснение отношений между преступными группами с применением оружия, физического насилия’ (заимствование, как уже отмечалось, из уголовного жаргона) активно

используется в СМИ при информировании об организованной преступности, в многочисленных детективных романах и повестях (в связи с ростом преступности в постсоветской России). Это отчетливо показано в Сл. ЕЗР (см. статьи «Разбираться», «Разборка» [Сл. ЕЗР: 172—174]). В этом словаре даны иллюстрации, в которых представлен контекст, разъясняющий слова *разбираться* и *разборка*. См., например: «Мафиозные разборки в Москве стали происходить в самых неожиданных местах. В четверг днем перестрелка завязалась в небольшом кафе на улице Гиляровского. Во время боя один из посетителей был убит» (Моск. комс. 23.07.1994). В таком употреблении *разборка* выступает в течение 90-х гг. См., например, подзаголовок материала в «Комсомольской правде» 19 мая 2000 г. «Как не стать жертвой разборок на дорогах», рассказывающего о «выяснении отношений» между бандитскими группами.

Наряду с этим возникает расширение указанного значения слова *разборка*. Оно начинает обозначать выяснение отношений (между какими-либо группами, противостоящими друг другу), сопровождаемое громкими скандалами общественного характера. Например: «Выступления народной любимицы [имеется в виду популярная певица Земфира] закончились крутыми разборками» (Комс. пр. 19.05.2000); «Вице-премьер Геннадий Кулик считает, что правительство не будет заниматься расследованием обвинений Явлинского. «Разборками мы заниматься не будем — правительству не до этого», — сказал он» (Изв. 05.11.1998). Как видим, употребление слова *разборка* в этом значении сопровождается разъясняющим контекстом.

Функционирование слова *разборка* в таком осмыслении в 90-е гг. настолько активно, что ОШ-1997 регистрирует отдельное значение этого слова (с пометой «разг.»): «крупная ссора с дракой между враждующими группами (обычно преступными)». Интересно отметить, что в конце 80-х годов толковые словари такого или похожего значения слова *разборка* не регистрируют — см. СО (М., 1988).

Нужно отметить, что расширение значения слова *разборка* продолжается. Им уже обозначают любое выяснение отношений, сопровождаемое крупной ссорой, непониманием друг друга участниками диалога. См., например: «Дистанция, которая была между нами [дочерью и матерью] от того, что она выстроила ее, когда я была маленькой и психологически нуждалась в ней, она [мать] виртуозно сокращала *разборками*. Эмоциональная жизнь представлялась ей как *сплошное выяснение отношений...*» (М. Арбатова. Визит нестарой дамы. 1999).

Вопрос о судьбах элементов жаргонной речи (как и иноязычных заимствований) в современном русском литературном языке, как очевидно, требует специального обстоятельного рассмотрения. В небольшой по объему статье показаны лишь некоторые явления, отражающие процессы, которые наметились в последнее время в нашей литературной речи. Это скорее симптомы

стабилизационных процессов, вселяющие здоровый оптимизм при изучении проблем дальнейшей эволюции русского литературного языка.

Такой оптимизм укрепляется, поддерживается историческим взглядом на судьбы русского литературного языка XIX–XX вв., согласно которому и в настоящее время наш язык развивается по генеральному пути, определенному Пушкиным.

Одна из магистральных линий развития русского литературного языка после Пушкина характеризуется именно процессами сближения литературного языка — языка книжной культуры — с народно-разговорным языком.

Однако из всех этих оптимистических рассуждений отнюдь не следует, что можно успокоиться и не предпринимать никаких охранительных усилий, шагов в просветительской работе по лингвистическому просвещению носителей русского языка, в том числе и носителей литературного языка, в научно-исследовательской деятельности по укреплению, утверждению современных литературных норм, сознательное следование которым и обеспечивает «целесообразное функционирование» (термин Л. В. Щербы) языка.

Результатом этих усилий (просветительских и научно-исследовательских) станет (должно стать) преобладающее «старательное и осторожное» (как говорили в XVIII в.), а мы бы сказали: ответственное, осмотрительное, вдумчивое употребление русского языка. «И Русский язык [по слову М. В. Ломоносова], — в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится» [Ломоносов 1898: 230].

Принятые сокращения

АиФ — Аргументы и факты

Комс. пр. — Комсомольская правда

Мир за нед. — Мир за неделю

Изв. — Известия

НГ — Независимая газета

НЛО — Новое литературное обозрение

Моск. комс. — Московский комсомолец

Сег. — Сегодня

Сл. БЗР — *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под общим рук. Р. И. Розиной. М., 1999.

ОШ-1997 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.

СО — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1988.

Литература

- Бельчиков 1974 — *Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века.* М., 1974.
- Дубягин, Бронников 1991 — *Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова.* М., 1991.
- Земская, Розина 1994 — *Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика = Russistik.* 1994. № 1–2.
- Копорский 1957 — *Копорский С. А. О некоторых особенностях лексики сочинений писателей-демократов Н. Успенского, Слепцова и Решетникова // Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской.* Т. 48. М., 1957.
- Ломоносов 1898 — *Ломоносов М. В. Сочинения.* Т. 4. Ч. 1. СПб., 1898.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования.* М., 1997.
- Чернышев 1970 — *Чернышев В. И. Русский язык в произведениях И. С. Тургенева // Чернышев В. И. Избранные труды.* Т. 2. М., 1970.

В. К. Журавлев

Русский язык, русский национальный характер и облик русского ученого

Есть ученые — крупные специалисты, скажем, по русскому словообразованию или синтаксису. Часто специалист по синтаксису не понимает специалиста по фонетике или фонологии... специалист по словообразованию современного языка не понимает работу по сравнительно-историческому словообразованию близкородственных языков.

И есть А. А. Реформатский... Трудно назвать область его сугубых интересов... Вот он, прищурясь, улыбается и почесывает бородку в Лаборатории инструментальной фонетики... Вот он за кафедрой МГПИ им. Крупской читает лекцию по курсу «Введение в языкознание». Удивительная широта и глубина знаний, блеск остроумия. Лекция начинается с чтения записок, полученных на прошлой лекции. Не оставлял ни одного «пасмурного» вопроса из темы, блестяще освещенной на прошлой лекции. Были и такие записки: «А. А.! Вы произнесли одно слово не так, как требуют нормы русского языка, как же нам-то говорить?» Прочитал записку и, улыбаясь, всматривается в аудиторию... А в первом ряду — фронтовик, дважды горевший в танке, будущий профессор А. А. Волков.

— Правильно! Говорить следует согласно нормам литературного языка! Но, я — профессор, я... бабуюсь! Мне можно! Мне хотелось бы сосредоточить ваше внимание на каждом слове лекции, чтобы вообще умели слушать...

А как он умел «баловаться» словом... Было время регламентированных восторгов. Сотрудников ИЯ АН СССР послали встречать президента Египта Абдэля Насэра. На всем пути следования кортежа именитого гостя от аэропорта до Кремля стояли организованные приветствователи. Каждому учреждению Москвы было отведено свое место на тротуарах.

Вот в толпе сотрудников ИЯ где-то у здания центрального телеграфа стоит Александр Александрович. Улыбаясь, он что-то бубнит себе в бороду. Прислушаемся...

Нас послали, нас послали Абдэль-Насэра встречать!

Ах! Россия — твоя воля, и

Ах! Египет — твоя мать!

Любил и прекрасно знал он великий и могучий наш язык... Иногда, в дружеской беседе, он не чурался и крепко солёного словечка: «Мой учитель, Николай Трубецкой, написал „Полабище штудии“, а я — „Похабище штудии“!»

Менялись флаги на башне нашей науки... И кто-то постоянно пытался устоять у флагштока... А Реформатский держался вдали от реформ и реформаторов. Ему хватало и своей фамилии. Крепчал М... марразм, особенно после знаменитой дискуссии в ВАСХНИЛ. Потом грянуло гениальное «Учение о языке» товарища Сталина. То искали и смачно пережевывали «четыре элемента» с салом, то бросались растолковывать, что же имел в виду товарищ Сталин под «внутренними законами развития языка», под «основным словарным фондом». Стали опять искать признаки языкового родства и «язык-основу» и снова и снова «гадать на кофейной гуще», каким же должен быть язык будущего коммунистического общества. И, приближая светлое будущее, стали реформировать русский язык, затем все языки народов СССР и социалистического лагеря...

То вдруг словно после грибного дождя прозябли в каждом пединституте по своему Соссюру, один другого крупнее... И бросались искать то «стандартные признаки», то смысл... то пытались что-то генеративировать, переводя с америкн-инглиш новое и новейшее в лингвистике. Устав от «ручных» переводов, разрабатывали «машинный перевод»...

И вдруг рядом с «зашоренным» учебником ложится на стол студента тоненькое учебное пособие для педагогических институтов «Введение в языкознание» А. А. Реформатского... Разительно различие между учебником Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова и пособием Реформатского. Это различие проявлялось и в манере чтения лекций. Реформатский артистически творил свою лекции о, блистал эрудицией и остроумием, единым духом сливался с аудиторией. Н. С. Чемоданов отгораживался от аудитории вырванными из своей книги листочками, которые читал, не отрывая глаз.

У пособия Реформатского был один недостаток, который и не скрывал автор: «Меня спрашивают: почему у Вас в учебнике так много цитат из классиков марксизма? Да, в издательстве попросили сократить объем книги. Вот я и подумал: кого же сокращать? Их-то почти пять, а я один! Попробовал сокращать поровну. Вот и сократил в пять раз Реформатского. После «дискуссии» удалось «возвратить Реформатского» в учебное пособие и издать в 1955 г. «Введение в языкознание» объемом 25 печатных листов (400 страниц). Это, пожалуй, лучшее введение в науку о языке, не имеющее аналогов в зарубежных вузах. Здесь есть всё... и всё объединено в единое целое... целостной научной концепцией автора, тщательно продолжавшего лучшие традиции отечественного языкознания, прежде всего — традиции Московской (формальной) школы Ф. Ф. Фортунатова с ее продолжением в Праге... Правда, ссылок на «невозвращенцев» Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, как и диктовало своеобразное

время, нет. Но считал он себя учеником Трубецкого, и на стеллаже у его рабочего стола, на видном месте стояли выпуски трудов Пражского лингвистического кружка... Позже с его благословения и с его блестящим предисловием вышли «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого (1960).

Лингвистическая концепция Реформатского — классический структурализм. Необходимо полностью и всесторонне, до самой последней оппозиции целостной системы языка, до последнего дифференциального признака переболеть, осознать и воплотить плодотворнейшие идеи классического структурализма. Но, к сожалению, на Западе, в Америке и Европе лингвисты, «не разжевывая структурализма соль», бросились создавать новые и новейшие теории. А за ними, обгоняя друг друга, побежала и наша лингвистическая молодежь, отложив в сторону Реформатского, и Фортунатова, и Шахматова, и ставших доступными Трубецкого и Якобсона.

Как-то на Международном съезде в Загребе позвал меня к себе в номер гостиницы Эдвард Станкевич. Посидели, поговорили, чокнулись стаканчиками Рашиновка... Он меня спросил: «Что там у вас творится: не успеет опубликовать какой-нибудь третьестепенный американский лингвист какое-нибудь г... (а г..., как известно, не тонет, а хорошо плавает), и переплывает это „американг...“ океан. И тут налетают ваши молодые лингвисты, заплывают это г..., потом отпрыгивают, смачно пережевывают, отпрыгивают еще раз; свою отпрыжку завертывают в блестящую бумажку, наклеивают ярлык «Мэйд-ин-юэсей» и... считаются гениями! А Ромка Якобсон нас учил: „Свет лингвистических идей идет с Востока, из России!“». И чокнулись за успехи рашин-лингвистик, Романа Якобсона и Александра Реформатского...

И тогда мне стало ясно, почему составители 12-томного «Обзора современного состояния лингвистики» (Current Trends) посвятили 1-й том России и Восточной Европе.

Действительно, специфику отечественного языкознания определил «лингвистический ландшафт» нашей страны. Здесь на протяжении столетий проживают народы, говорящие на разных языках, представляющих почти все языковые семьи Евразии, при ведущей роли русского языка. Бережное отношение к культурно-историческим традициям, идущим из Византии и арабского Востока, Китая, Европы и Древней Индии, как проявление характернейшей черты русской души — это и выдвинуло нашу лингвистическую науку на ведущее место в мире. Вспомним Достоевского: «Чтобы быть русским, надо любить все другие народы». Не может быть у нас шовинизма, даже мысли о собственном превосходстве. Сидим на куче золота, а просим у Запада пустую бумажку с цифирью.

Даже французы, раньше всех запевшие «Интернационал», не захотели принять выдвинутое немцами положение «о безысключительности фонетических законов». Тогда молодой Жильерон сел на велосипед и, объехав Францию,

доказал отсутствие последовательности фонетических изменений в разных словах и в одном и том же слова, в разных населенных пунктах... А у нас положение о безысключительности фонетических законов не только признано, но и получило серьезное теоретическое обоснование (Ф. Ф. Фортунатов).

С XVII в. изучение языковой ситуации России стало непрременной частью изучения ее производительных сил. Уже Петр I послал плененного под Полтавой шведа Филиппа-Иоганна Страхенберга (1676—1747) в Сибирь для изучения народов и языков. Его сравнительные таблицы языков Сибири, Северной Европы и Северного Кавказа в последствии легли в основу генеалогической классификации неиндоевропейских языков. Позже составленный Палласом по инициативе Екатерины II каталог 200 языков Европы и Азии и некоторых языков Африки и Америки (всего 272 языка) «Сравнительный словарь всех языков и наречий» (СПб., 1786—1791 гг.), лег в основу идей сравнительного и типологического языкознания.

Интернациональная по духу и этнической принадлежности славная когорта отечественных ученых тщательно исследовала языки народов России и сопредельных стран. К XX в. более 2/3 состава Академии наук занималась проблемами языка и истории многочисленных народов.

К нам приезжали учиться талантливейшие зарубежные ученые. У Ф. Ф. Фортунатова учились А. Белич (Сербия), Э. Бернекер (Германия), И. Богдан (Румыния), О. Брок (Норвегия), Н. Ван Вейк (Голландия), А. Мазон (Франция), И. Миккола (Финляндия), М. Мурко (Чехия), Х. Педерсен (Дания), Ф. Солмеен (Германия), Т. Торбьернсон (Швеция). Возвращаясь на родину, они создавали своеобразные Филиалы Фортунатовской (московской формальной) школы. «Свет лингвистической мысли, — по словам С. П. Обнорского, — шел от школы Фортунатова». И, видимо, объективные выводы Р. Якобсона, С. Обнорского и Э. Станкевича совпадают, отражая реальное положение дел...

В начале 20-х годов первая эмигрантская волна «утечки» русских умов и талантов принесла в Европу новые идеи общего и славянского языкознания... По инициативе Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого был создан Пражский лингвистический кружок, своеобразная кузница «лингвистического мышления XX века». Н. С. Трубецкой в Вене, Макс Фасмер в Берлине, В. Кипарский в Хельсинки, С. М. Кульбакин в Белграде и Скопье, Б. Унбегаун в Оксфорде, С. Карцевский в Женеве и особенно Р. О. Якобсон в Нью-Йорке, Гарварде и в Массачусетском технологическом институте строили великолепное здание лингвистики XX в. на прочном фундаменте отечественной фортунатовской школы...

Теперь понятно, почему, читая и перечитывая многотомный *Current Trends*, мы с удивлением узнаем, что лингвистика стала истинной наукой XX в. в Европе и Америке, в Японии и... Австралии, когда туда проникли идеи русских ученых и ученых, получивших лингвистическое образование в России.

В последнем, 12-м, томе *Current Trends*, посвященном проблеме отношений языкознания с другими науками, С. Маркус назвал лингвистику «*pilot science*», ведущей наукой всех современных наук гуманитарного цикла. Ее ведущую роль он находит в том, что она охватывает многие области знания, как смежные, так и относительно далекие: теорию письма, стиховедение, стилистику и литературоведение, театро- и фильмологию, историю культуры и этнологию, психологию и антропологию, социологию и археологию, символическую логику, теорию формальных систем, теорию чисел, комбинаторную геометрию, теорию информации, генетику, теорию кода и кибернетику...

Похоже, что лингвистика, эта бедная Золушка, которая, казалось, только и делала, что ходила в «обносках» то биологии, то психологии, то формальной логики или математики, обратив на себя внимание Ученого Принца, и сама стала диктовать законы моды. Теперь и биология, и психология, и философия, да и сама «царица наук» — математика примеряют «лингвистическую одежду». Появляются выражения и термины типа «хромосомный язык», «грамматика альбумина», «грамматика человеческого поведения», «язык компьютера», «парадигма науки». Расшифрован код наследственности.

И минимальные материально выраженные единицы генетического кода называли «буквами». Их всего четыре. Сами по себе они не имеют «значения», не привязаны непосредственно к какому-либо биологическому качеству, но лишь их сочетания в генетические «слова», «фразы»... «текст» и несут генетическую информацию, будь то амеба или будущий гениальный человек. И впрямь — язык! Сама по себе ни буква, ни фонема не передает какой-либо смысл, какую-либо мысль. Но цепочка их бесконечных сочетаний дадут и «Войну и мир» Толстого, и... учебник Реформатского!

В недрах отечественного языкознания зародилась фонология. Ее зарождение именно в России, бесспорно, связано с интуитивно-фонологическим принципом русской орфографии, сохраняющей традиции кирилло-мефодиевских принципов славянского письма. Катализатором «учения о фонеме» была дискуссия о принципах русской орфографии и возможности ее усовершенствования (конец XIX — начало XX вв.). Дискуссия сконцентрировала огромный научный потенциал. В ней приняли участие А. А. Шахматов и И. А. Бодуэн де Куртэнэ, Ф. Е. Корш и Л. В. Щерба, И. В. Ягич и А. И. Соболевский, Е. О. Поливанов и Д. Н. Ушаков, А. И. Томсон и В. И. Чернышев и другие лингвисты, историки языка и фонетисты, писатели и методисты, отечественные и зарубежные. Дискуссией «дирижировал» Ф. Ф. Фортунатов. Анализ требований к орфографии, сформулированных Фортунатовым в 1904 г., свидетельствует о том, что создатель общетеоретических принципов морфологии, ведущий специалист сравнительно-исторического языкознания выдвигал в качестве основного скорее фонологический, нежели морфологический принцип, зачастую вопреки требованиям последнего. «Орфография, — настаивал Фортунатов, — должна

иметь опору в фактах современного языка... даже так называемое «историческое» написание должно опираться на ту или другую звуковую замену в современном языке при сопоставлении различных форм одного и того же слова». Здесь — предвосхищение учения о слабых и сильных позициях Московской фонологической школы: лавка, ставка на основании лавок, ставок и т. п.

«Отцом» фонемы, бесспорно, является И. А. Бодуэн де Куртене. Обобщая опыт первых исследований по инструментальной фонетике, он сформулировал положение о принципиальном несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка. В 1870 г. он обосновал положение о необходимости строго разграничивать звук как физическую субстанцию и фонему как «элементарное звукопредставление», и, соответственно, «физическую» фонетику и психолингвистику. Детские годы фонемы прошли в уютном родительском доме психофонетики.

Отрочество фонемы прошло в учении, в Учении о фонеме Л. В. Щербы, познакомившего зарубежную общественность с концепцией своего учителя, Бодуэна (1911). Эта концепция успешно развивалась английским фонетистом Д. Джоунзом (с 1916). Но создатели фонологии не были учениками Бодуэна и Щербы. Они принадлежали другой, формальной фортунатовской школе.

Протест против смешения грамматики с психологией и логикой — характернейшая черта Московской (формальной) лингвистической школы, выдвинувшей во главу угла «формальные», т. е. собственно лингвистические критерии. До этого, по мнению идеолога и ведущего теоретика немецкой лингвистики конца XIX в. Германа Пауля, синтаксис принадлежит логике, морфология — психологии, фонетика — акустике и физиологии, а лексика — «истории народного духа». Но «настоящая жизнь науки начинается с ее автономии, когда она сможет решать свои задачи у себя дома своими собственными инструментами», — писал в 1942 г. Д. Лазивицш, развивая идеи Пражского лингвистического кружка.

Ф. Ф. Фортунатов создал целостное, свободное от психологизма учение о форме слова, заложив основы морфологии как особой лингвистической дисциплины. Форма слова, по Фортунатову, выводится из противопоставления рядов слов на основании сходства и различия между ними (ср. *дом-а* ~ *сел-а*; *сел-о* ~ *дом-∅*).

У будущих создателей фонологии, пришедших в Московский университет уже после смерти Ф. Ф. Фортунатова, складывалось четкое представление об устройстве морфологического яруса языка, уверенность в продуктивности системно-функционального подхода ко всем ярусам языка. В наследство от своих учителей, учеников Фортунатова, они получили задачу разработать приемы системно-функционального подхода к нижнему ярусу языка, фонологии, освободить фонему от психологизма.

И, наконец, I Международный конгресс лингвистов 1928 г. «Фонологии не было до 1928 г., — констатировал потом Ван Вейк. — Именно тогда ее фундаментальные принципы были сформулированы в пяти тезисах, представленных I конгрессу лингвистов. Инициаторами этой новой научной дисциплины были слависты, по национальности русские: Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон и С. О. Карцевский» [Wijk 1939: 28]. Прошло детство, отрочество и юность фонемы. Международный съезд крупнейших лингвистов приветствовал полное «совершеннолетие» фонемы.

С тех пор фонология, как своего рода демнург, создавала лингвистику XX века по образу и подобию своему. Наблюдается удивительно последовательная тенденция создания системы общелингвистических терминов: фон — аллофон — фонема, морф — алломорф — морфема, граф — аллограф — графема, графофонема, фонограмма, тон — тонема, фраза — фразема, тип — типема и прочие «емы»: граммема, лексема, сема, рема, просодема, сигнема, лингвема, социум — социалема и т. д.

«Фонология, — писал Трубецкой, — как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставления лингвистических значимостей. Причем все отрасли одной науки должны применять одинаковые методы исследования» [Trubetzkoy 1937: 151]. Таким образом, не только фонология и морфология, но и другие разделы языкознания получают единый лингвистический фундамент, методы исследования различных лингвистических объектов становятся общими. Эти методы и приемы системно-функционального анализа разрабатывались прежде всего в фонологии. Фонология обрела интегрирующую функцию разрозненных, по мысли Германа Пауля, наук, объектом которых является язык как целое. Нет и не может быть языка ни без лексики, ни без морфологии, фонологии или синтаксиса. Прежний конгломерат лингвистических дисциплин превратился в целостную науку о языке, лингвистику со своим собственным предметом и методом. И это могло произойти потому, что создателям фонологии удалось подняться до созерцания целого, разглядеть объект своих исследований как целое в тесной взаимной связи и взаимообусловленности составляющих его элементов.

В этом проявился национальный характер, менталитет русского ученого, не собственно этнически русского, но ученого, возвращенного в лоне русских культурно-исторических традиций. Национально-зорожденная, выношенная и выстраданная русская духовная культура обусловила специфический менталитет с его неустанным исканием абсолютного добра, истины, красоты и гармонии формировала характерные черты русской науки, русского ученого. Истинно русский ученый вносит в свое исследование начала *созерцательности, творческой свободы* и живой ответственности, совести, вдохновенной любви

к своему предмету, обладает редчайшей способностью подняться до созерцания целого. Все это и характеризует наших многосторонних гениев Михаила Ломоносова, Дмитрия Менделеева, В. И. Вернадского, Н. С. Трубецкого, в немеркнувшем сиянии которых живет русская наука.

На пути осознания своего национального менталитета в XIX в. и освобождения от слепого подражания западной учености, идолам рассудочной науки с ее духовной слепотой отечественная наука заняла ведущее место почти во всех отраслях знания мировой науки первой трети XX в.

Как ветеран Великой Отечественной войны свидетельствую, что и наши танки и самолеты с их РС-ами и легкой непробиваемой броней были лучшими в мире. Да и тактика «войны моторов», «клещей» и «клиньев» украдены немцами у гениев русской военно-стратегической и тактической мысли...

Национально-выношенная русская культура одухотворяла русское национальное искусство, литературу, науку. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и прочувствованность русского театра... Дух бескорыстной любви к человеку пришел в русскую медицину с ее духом служения, интуитивно-целостного диагноза...

На «просвещенном Западе» рано пришли к задачам поиска «рацио», выяснения закономерностей на основании обобщения частных наблюдений. Но рассудочная наука, не ведающая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента, анализа и синтеза, есть наука духовно слепая: она не видит предмета, застревает в частностях и кусочках и бессильна подняться к созерцанию целого. Застряв на частностях и кусочках, на бытовом и материальном, эпоха Просвещения на Западе сформировала идеологию бытового и философского материализма как морально-философское обоснование развития товарно-денежных, рыночных отношений, где все покупается и все продается, продается и любовь, покупается успех. Философский материализм приводил к атеизму, социальным революциям, кровавым гражданским войнам.

Надо полагать, что источник таких различий заключается в... языке. Искони у славянских книжников, переводчиков и писателей славянский текст служил динамическим регулятивом порождения новых текстов, функционирования и развития литературного языка. Уровень мастерства писателя определялся степенью его начитанности, степенью усвоения образцовых текстов. Эта традиция восходит к византийской христианской литературе. Не случайно до недавнего времени русские считались самой читающей нацией. В первой трети XX в. на русском языке выходило больше книг, чем в Германии и Америке.

На Западе положение дел складывалось по-иному. Ведущим языком западно-европейского культурно-исторического ареала выступала монастырская

латынь, далекая и непонятная европейским народам. Для того чтобы выучиться читать и писать на латинском языке, необходимо было выучить, усвоить разумом латинскую грамматику с ее строжайшей регламентацией.

Наше церковное песнопение воспринимается душою и всем сердцем, с искренней любовью... К постижению смысла текста молитвы, псалма, песнопения мы идем от целого. Католик вынужден искать «рацио», идти от частных и деталей, с трудом и далеко не всегда постигая целое. В храме католик сидит, сверяя то, что воспринимает ухо с лежащим на коленях текстом латинского молитвослова. Лютеранин держит в руках книжицу богослужебных текстов в переводе на язык саксонских канцелярий. И не случайно немец всюду ищет Ordnung, порядок, закон.

Искони русский ребенок, едва научившись говорить на родном языке, спонтанно овладевает навыками аудирования народно-разговорной речи и книжно-славянского языка. Покоясь на родительских руках, несущих его в Храм, он слышал варианты родных слов: «затвори *ворота!*» и царские *врата, огород* и церковная *ограда, голосить* и *возглашать, уста, очи, лик и рот, глаза, лицо*... Постепенно складывалось осознание *сходства* и *различия* между рядами слов — одни означают что-то обыденное, другие — нечто возвышенное. Не в этой ли интуитивной привычке заложено будущее учение об *оппозициях*? Не потому ли именно русские лингвисты перенесли внимание исследователя с субстанции на структуру, на отношения, взаимосвязь и взаимную детерминацию элементов целого?

Если подняться до созерцания истории русской духовной жизни как целого, то можно разглядеть в ее основании воистину определяющий фактор ее бытия и развития. Именно во второй половине XIX в. возродился в России исихазм Григория Паламы Солунского... По мнению Д. С. Лихачева, византийское Предвозрождение неразрывно связано с исихазмом. Он оказал глубокое, решающее воздействие на всю нашу духовную и культурную жизнь. Яркими представителями исихазма были Сергей Радонежский, Паисий Величковский, Нил Сорский, Тихон Задонский, Серафим Саровский. Глубокое влияние исихазма испытывал А. С. Пушкин.

Исихазм (гр. *ησυχια* — 'покой, безмолвие') как этико-аскетическое учение о пути человека к единению с Богом через очищение сердца, сложился в IV–VII вв. н. э. (Иоанн Лествичник и др.). Григорий Палама (1296, Константинополь — 14.XI. 1359, Салоники) придал исихазму философское оформление. Учение Григория Паламы стало идеологической основой византийского Предвозрождения, расцвета духовной культуры, литературы и искусства у народов византийско-славянского языка.

В век господства неоплатонизма и западноевропейской схоластики, игры в тезис и антитезис Григорий Палама разглядел гримасы западного Ренессанса и

вступил в спор с идеологом Запада, калабрийским монахом Варлаамом — рационалистом (*ratio!*), агностиком и скептиком. В противовес строгому разделению Веры и Разума, Григорий Палама трактует христианский догмат о нераздельной Троице как нераздельное единство «Ум + Логос + Дух». Наш видимый Мир, по мнению Григория Паламы, — «некое отражение надмирного мира вневременных логосов». Видя в человеке образ Бога- Творца, Палама полагал, что Человек наделен даром творчества. Человеческое творчество есть творение из ничего, создание нового качества. Как антитезу томизму (учение Фомы Аквинского); в противовес Блаженному Августину, Григорий Палама выдвигает положение: «Человеческое творчество может быть лишь результатом синергии, сотворчества с Всевышним Творцом». Вот свидетельство А. С. Пушкина:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
Встань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнишь волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

Синергия (*συνεργία* 'содействие, соучастие', *συνεργός* 'сотрудник') — взаимодействие божественной благодати и свободной воли человека. Этот гимн человеку-творцу вдохновлял многих деятелей нашей духовной культуры, звал к творческим подвигам. Все так называемое второе южнославянское влияние пропитано идеями Григория Паламы. Исихастское влияние питало все стороны русской духовной жизни. Русский литературный язык пронес эту благодать через века, послужив благодатнейшим материалом создания великолепного здания лингвистики XX в. Лингвисты, сделавшие крупнейшие открытия общенаучного значения, отмечали, что во многих случаях эти открытия были как бы подсказаны русским языком.

Европейская наука XIX—XX вв. развивалась на путях дивергенции, углубления в детали и частности, что вело к новым технологиям, к научно-технической революции, технологическое зре развития земной цивилизации при общем снижении духовности. Великий русский ученый — естествоиспытатель и философ В. Н. Вернадский предсказывал, что на смену эпохи дивергенции должна прийти эпоха интеграции огромной массы знаний, накопленных человечеством, в некую целостность. Такова фундаментальная задача науки XXI в.

Случайно или нет, но именно отечественная наука о языке сделала первый серьезный шаг в направлении, предсказанном Вернадским, интегрировав разрозненные филологические знания в целостную науку о языке, а уже с середины XX в. успешно собирает и различные гуманитарные знания в определенную целостность, стимулируя гуманизацию научных знаний, народного образования и воспитания.